

нии труда В. Н. Татищева, С. Л. Пештич установил способ использования и самый характер правки Татищевым источников, показал «вольность автора „Истории Российской“ в обращении с летописными текстами», отметил «тенденциозность так называемых татищевских известий» и доказал недопустимость использования «Истории Российской» в качестве исторического источника.⁷

Поэтому вопрос о источниковедческой достоверности татищевского рассказа 1185 г. казалось бы можно решить, руководствуясь общими выводами, которые уже сделаны учеными. Однако осуществить это невозможно, во-первых, потому, что мнения ученых о характере правки Татищевым летописных текстов не совпадают, а во-вторых, даже если принять точку зрения С. Л. Пештича, всегда остается сомнение: а вдруг в данном конкретном случае Татищев использовал неизвестные нам теперь источники. Поэтому на необходимость специального изучения татищевских рассказов об Игоровом походе и прежде всего в связи со «Словом о полку Игореве» указывалось в исследовательской литературе, в частности в статьях Л. А. Дмитриева и А. В. Позднева.⁸

В данной работе объектом изучения является непосредственно рассказ о походе Игоря Святославича в двух редакциях «Истории» Татищева в сравнении с известными летописными текстами. Понятно, что степень вероятности выводов, предлагаемых в работе, была бы больше, если бы был осуществлен полный текстологический анализ «Истории» в целом или хотя бы больших ее отрывков в сравнении с текстами летописей. В работе я не ставила перед собой такой задачи. Однако выводы, к которым подводит изучение материалов, проверялись наблюдениями над рассказами, которые окружают интересующий нас текст, а также рассматривались и соотносились с уже выдвинутыми в науке положениями о принципах работы Татищева с летописными текстами в процессе создания «Истории Российской». Установлено, что при описании событий XII в. Татищев главным образом обращался к свидетельствам Ипатьевской летописи.

В работах С. Л. Пештича и Л. А. Дмитриева высказано мнение, что Татищев пользовался Ермолаевским списком Ипатьевской летописи.⁹ Действительно, в текстах обнаруживаются чтения, сближающие рассказ Татищева с повестью по Ермолаевскому списку. Но при дословном текстологическом сопоставлении отмечаются также чтения татищевского рассказа, расходящиеся с чтениями Ермолаевского списка.

Вместо «Токсобича» (Е)¹⁰ у Татищева читаем: «Тускобича» (Т₁, Т₂), вместо «Юргевич» (Е) — «Юрьевич» (Т₁), «биющися» (Е) видоизмени-

тищева. — В кн.: ИР, т. V, стр. 5—21; 5) О рукописях четвертой части «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: ИР, т. VI, стр. 5—18; 6) В. Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы. — В сб.: Роль и значение литературы XVIII в. в истории русской культуры. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 66—73; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., Изд. ЛГУ, 1961—1965, ч. I, стр. 222—262; ч. II, стр. 124—163.

⁷ Там же, ч. I, стр. 250, 261—262.

⁸ Л. А. Дмитриев. Проблемы исследования «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XX, 1964, стр. 136—137. А. В. Позднеев. «Слово о полку Игореве» и летопись. — Тр. Моск. гос. заочного пед. инст. Проблемы истории литературы, вып. 1. М., 1961, стр. 7—32.

⁹ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. 1, стр. 258; Л. А. Дмитриев. Проблемы исследования «Слова о полку Игореве», стр. 138.

¹⁰ Здесь и далее вводятся условные обозначения:

Е — для текста рассказа по Ермолаевскому списку Ипатьевской летописи;

И — для текста рассказа по Ипатьевскому списку;

Т₁ — для рассказа «Истории Российской» в I редакции;

Т₂ — для рассказа «Истории Российской» во II редакции